

I. хамелеон

— **ДИН-ДОН, ДИН-ДОН**, звенят колокольчики в небе, птицы щебечут серебряным голосом, солнце ушло, чтобы завтра вернуться; спи, и во сне ты увидишь, как в речке вода превращается в лунное золото. Сядь на берег, посмотри на месяц и жди. Дин-дон, дин-дон, звенят колокольчики в небе над речкой, птицы уснули, и солнце уснуло, и ты засыпай.

Старуха сидела у моей кровати, горела свеча, у меня был жар; она говорила размеренно, тихо, скрипуче-протяжным голосом, ласковым и усыпляющим шепотом. В голове все плыло, и пламя свечи извивалось, как ведьмин язык на старинной гравюре в моей детской книжке. Веки мои тяжелели, капли тяжелого пота текли по горящим вискам. Пересохли искусанные губы, и я слышал свое тяжелое дыхание и голос старухи:

— Кошки уснули, собаки уснули, совы уснули, и рыбы в пруду засыпают. Только не спят колокольчики в небе, они говорят тебе: «Спи». Они говорят тебе: «Дин-дон,

дин-дон, спи, засыпай, ждет тебя речка, и берег, и лунное золото». Тени уже не придут, никогда не придут; слышишь, об этом поет за окном соловей. Спи, засыпай, и во сне ты пойдешь за околицу, к речке, на берег, и месяц тебе улыбнется; спи, засыпай.

И в моих закрытых веках поднялся густыми клубами черный туман, а сквозь него улыбалась луна. И голос старухи звенел колокольчиком, пел соловьем, шелестел тихим ветром в листве.

И во сне я вышел на берег, и вода в реке превратилась в лунное золото.

Из рассказа Юрия Холодова
«Бирюзовая ночь»

ВЫПИСКА

из протокола допроса подозреваемого в шпионаже
Гельмута Лаубе от 24 июня 1941 года

Вопрос. Назовите ваше имя, фамилию, дату и место рождения.

Ответ. Гельмут Лаубе. Родился 22 июля 1905 года в городе Оренбурге.

Вопрос. Назовите имена, фамилии и род занятий ваших родителей.

Ответ. Отец — Рудольф Карлович Лаубе, адвокат. Мать — Ольга Николаевна Беккер, учительница.

Вопрос. В каком году ваша семья уехала из России?

Ответ. В 1915 году мы переехали в Петроград. В ноябре 1917 года эмигрировали в Берлин.

Вопрос. Когда вы начали работать в германской разведке?

Ответ. В сентябре 1936 года я поступил на службу во второй отдел абвера, с 1938 года работал в СД.

Вопрос. Вы можете рассказать, что произошло 17 июня на станции Калинова Яма?

Ответ. Я не помню.

Москва, 12 июня 1941 года, 11:30

— Товарищ Сафонов! Товарищ Сафонов! — закричала загорелая девушка в бежевом платье, заведя в конце трамвая высокого мужчину в темно-серой клетчатой кепке набекрень и белой рубашке с закатанными рукавами. Одной рукой он держался за поручень, в другой держал саквояж из коричневой кожи. Девушка пыталась протиснуться к нему через толпу стоящих в вагоне людей. Мужчина обернулся и посмотрел в ее сторону невзрачными серыми глазами: на вид ему было чуть больше тридцати, из-под кепки выбивалась прядь пшенично-светлых волос, а на впалых щеках поросла мелкая однодневная щетина.

— Я вчера прочитала вашу заметку о нашей секции плавания, — заговорила девушка, пройдя через вагон. — И увидела свою фотографию! В газете! Я показала ее маме, она очень радовалась.

Сафонов удивленно поднял бровь, и от этого на его лбу выгнулась глубокая морщина. Немного подумав, он улыбнулся одним уголком рта и ответил:

— Да. Я вспомнил вас. У вас действительно замечательная секция, вы молодцы.

— Я просто еду на учебу и совершенно случайно узнала вас! Спасибо вам за заметку, мы все так гордимся! Я так расстроилась, что не победила в заплыве, а потом прочитала газету, и это было э-э-э... очень неожиданно и приятно.

— Не за что, — ответил Сафонов. — Я всегда рад написать что-нибудь хорошее о красивых спортивных девушках.

Его собеседница слегка смутилась, но затем вновь рассмеялась:

— Олег Сергеевич, да? Меня зовут Светлана.

— Я помню. — Сафонов вновь улыбнулся одним уголком рта. — Тихомирова, верно?

— У вас очень хорошая память. А вы далеко едете? Может, нам по пути?

— Я выхожу на следующей остановке у Театрального проезда, мне в «Метрополь». Нет, не подумайте, это по работе, — смущенно добавил он, увидев неподдельное восхищение в глазах девушки после упоминания ресторана.

— Какая интересная у вас работа! А мне дальше. — Девушка поняла, что ее восхищение слишком очевидно, и отвела взгляд, но от этого ее поведение стало еще более игривым.

Трамвай подъехал к остановке и с лязгом затормозил.

— Мне пора. Приятно было снова увидеть вас. Может быть, еще встретимся, — улыбнулся Сафонов.

— До свидания!

Сафонов соскочил с подножки, вдохнул свежий уличный воздух, повел правым плечом, будто отгоняя назойливое насекомое, и быстро зашагал по мостовой. Обернувшись, он увидел, что девушка машет ему, и поднял

руку ей в ответ. Трамвай тронулся. Продолжая улыбаться, Сафонов направился в сторону «Метрополя».

«Ее фотографию выбрал не я, — заметил про себя Сафонов, — а редактор. Впрочем, это не важно. Такая милая девочка».

Три дня назад журналист Олег Сафонов писал для «Комсомольской правды» заметку о женской секции плавания при городской морской школе ОСОАВИАХИМа. Это было действительно интересно: девушки от шестнадцати до двадцати трех лет соревновались в заплыве на скорость, первое место заняла школьница родом из Бреста — ее звали Маша, — а на втором месте оказалась как раз Светлана Тихомирова, и сфотографировать пришлось именно ее, потому что победительница получила цветы и быстро куда-то убежала.

Сафонов любил писать о соревнованиях. Это было интереснее, чем заседания горисполкома или очередные вести с полей из Подмосковья. «И люди там сговорчивые», — подумал он и почему-то опять улыбнулся.

У двери ресторана он достал из кармана брюк портсигар с витиеватым восточным узором, подаренный ему месяц назад молодым журналистом из Ташкента. Вытащил папиросу — это был купленный накануне утром «Алжир», и от пачки осталось всего четыре штуки, — перегнул пальцами, зажал в зубах и, чиркнув спичкой, закурил. До назначенной встречи оставалось пятнадцать минут. Сафонов всегда приходил заранее.

Лето выдалось жарким. Полуденное солнце расплывалось золотистыми бликами в витринах, над брусчаткой сгущался нагретый воздух. Почувствовав, что волосы совсем взмокли под кепкой, Сафонов снял ее и убрал в саквояж. Провел рукой по мокрому лбу. Затянулся

папиросой. «Хороший день, — подумал он. — Надо будет выпить пива. В „Метрополе“ подают хорошее темное. Но потом. Все — потом».

«А еще, — подумал Сафонов, — надо будет спросить у Кестера, остались ли у него нормальные сигареты». Он мог привыкнуть ко всему, в том числе и к этому ужасному терпкому вкусу папирос, все время норовивших погаснуть после каждой затяжки, но хороших сигарет не курил уже очень давно.

Сафонов докурил, выбросил папиросу, снова поправил рукой сползающую на лоб взмокшую прядь и вошел в ресторан. Сразу стало прохладно.

В зале почти никого не было, только в дальнем углу сидели четверо уставших интуристов в промокших рубашках и с широкими пестрыми галстуками. Они потягивали пиво, лениво переговаривались на английском с американским акцентом и явно не хотели уходить из прохлады ресторана в московскую жару.

Сафонов сел у забронированного столика возле окна, поставил саквояж на пол, поздоровался с официантом и заказал кофе.

За окном была ленивая полуденная Москва. Прохожих было мало, машин — еще меньше. Разомлев от жары, толстяк в белом пиджаке медленно и вальяжно шел с тросточкой по тротуару, за ним неторопливо гуляла под ручку молодая пара: рослый бритоголовый парень, видимо, спортсмен, и смуглая девушка с азиатскими скулами. У колонн Большого театра выстроился отряд курсантов.

Ровно в двенадцать часов в ресторан вошел низкорослый седовласый мужчина, одетый в серую тройку, с прямой осанкой, в круглых очках и с сухим, морщинистым

лицом. Он вежливо улыбнулся официанту, снял шляпу и неторопливо зашагал к столику, за которым сидел Сафонов.

— Добрый день, — сказал посетитель с сильным немецким акцентом.

— День добрый, товарищ Кестер.

Они пожали друг другу руки.

Собеседником Сафонова был Клаус Кестер — советник германского посольства в Москве. Он сел за столик, позвал официанта и тоже заказал кофе.

— Предлагаю после интервью выпить по кружечке холодного темного пива, — сказал Сафонов. — Погода располагает.

— Погода или общение со мной? Пиво — немецкое национальное достояние. Разве русские не пьют водку в любую погоду? — улыбнулся Кестер, и вокруг его глаз появились тонкие морщины.

— Безусловно, — с такой же вежливой улыбкой ответил Сафонов. — А еще у нас по улицам гуляют медведи. Будете на Красной площади — обязательно понаблюдайте. Только осторожнее: они очень опасны. Еще водку пить заставят.

Кестер рассмеялся:

— Вы мне нравитесь, Олег. Когда вы берете у меня интервью, я отдыхаю сердцем. Ваше руководство не думает повисить вас?

— Пока об этом речи не идет. Но если вы позволите, давайте перейдем непосредственно к интервью. — Сафонов достал из саквояжа блокнот, вытащил из кармана рубашки ручку и приготовился записывать.

— Да, конечно. — Кестер взял со стола салфетку, отер вспотевший лоб, затем снял очки и их тоже протер, снова

надел очки и отхлебнул кофе. — Вы хотели поговорить о сотрудничестве в сфере истории и культуры, насколько я помню?

— Да, именно. Вы упоминали о каких-то мероприятиях в сфере совместного изучения истории наших народов. Можно подробнее?

— Здесь очень много интересного, — Кестер говорил лениво и размеренно, с долгими паузами между предложениями. — Скажем, еще в прошлом месяце при посредничестве посольства удалось достичь договоренности между советскими и германскими археологами. Дело в том, что в Германии в последние годы наблюдается повышенный интерес к теме дохристианских религиозных верований. Наши советские коллеги тоже интересуются этой темой, но, к сожалению, языческая религия славян оставила очень мало памятников, по которым ее можно реконструировать. Отчасти это объясняется тем, что у славянских племен были распространены в основном деревянные изделия, что уже говорит об их недолговечности. Добавим к этому — как это по-русски — перегибы в христианизации Руси, в результате чего сильно пострадала устная традиция. Наши германские археологи предложили коллегам из СССР помощь в раскопках на территории Новгородской области. Также мы пригласили советских ученых в экспедицию на остров Рюген, где, по многим данным, славяне побывали раньше германцев. Коллеги выразили большую заинтересованность в этом проекте, и надеюсь, что наше сотрудничество в данной сфере будет длительным и плодотворным.

— Когда планируется поездка?

— В конце лета или начале сентября.

— Спасибо. Как вы считаете, насколько возможен подобный исторический проект в нынешних непростых условиях? В Европе война.

— Уверен, до острова Рюген война не доберется. Я являюсь твердым последователем мирных и добрососедских отношений с Советской Россией. Мы должны развивать сотрудничество во всех сферах, и особенно, на мой взгляд, в изучении истории. Прошлое сближает в настоящем.

— Полагаете, наши народы тесно связаны историческим прошлым?

— Разумеется. Наша история неоднократно соприкасалась и сочеталась в самых причудливых вариантах. Хочется надеяться, что впредь мы будем сотрудничать на благо нашего общего будущего.

— Планируются ли какие-то мероприятия в сфере культуры и искусства?

— Конечно. Я даже не смогу сейчас вспомнить все проекты, к которым мы готовимся... Скажем, в июле мы хотим дать в Москве концерт джазовых музыкантов из Германии. В сентябре в Мюнхене запланирован большой фестиваль народных песен, на который мы уже пригласили творческий коллектив из Архангельска. Я слышал их песни — в них непередаваемое очарование Русского Севера, которое, я уверен, найдет свое место в сердцах немецких слушателей.

— Вам нравятся русские песни?

— Конечно. Я помню, как меня поразила до глубины души песня об умирающем в степи... как это...

— Ямщике?

— Да-да. «Степь да степь кругом, путь далек лежит, в той степи глухой умирал ямщик».

— Очень мрачная песня.

— Мы, германцы, любим трагизм. Это у нас в крови. Трагическое величие смерти всегда было любимой темой наших поэтов и музыкантов.

Кестер допил кофе, подозвал официанта и попросил принести еще. Сафонов оглядел зал: в ресторане по-прежнему никого не было, кроме уставших американцев. Один из них, судя по всему, был готов уснуть прямо за столом.

— А, да, — продолжил Кестер. — Еще мы договорились с ногинским заводом о выпуске серии грампластинок немецких исполнителей. Марика Рёкк, Эрик Хелгар, Ханс Бунд — скоро вы сможете купить их в Москве в новейших изданиях и в хорошем качестве.

— К слову, Ханс Бунд у нас уже выпускался. У меня есть пара пластинок. Но разве джаз в Германии сейчас не подвергается остракизму?

— А в Советском Союзе? — улыбнулся Кестер.

— Как сказать... Все равно эту музыку любят и слушают. — Сафонов слегка смутился и вычеркнул что-то в блокноте.

— Вот так же и у нас. Музыка — величайшая объединяющая сила. Главное, чтобы она не призывала молодежь к разрушению и саморазрушению. За этим у нас следят. И у вас тоже.

— Согласен. А вы сами любите джаз?

— Честно — да. Очень. Даже американский. Только не пишите об этом, а то некоторые мои товарищи могут дать мне за это по голове. — Кестер рассмеялся.

— Как скажете.

Сафонов вновь посмотрел на компанию американцев: они медленно и лениво поднимались с кресел

и собирались уходить. Один из них копался в бумажнике, чтобы расплатиться.

— И напоследок. — Сафонов с облегчением вздохнул. — Как вы можете оценить перспективы советско-германского сотрудничества в культурной сфере?

— Перспективы прекрасны. Мы гораздо ближе, чем может показаться на первый взгляд. Мы — разные народы с разным национальным характером и разным темпераментом, но если мы будем вместе работать на благо нашего будущего, мы добьемся ошеломительного успеха. Так и будет: я в этом более чем уверен.

— Спасибо за яркое интервью.

— Не стоит благодарности. Мне очень приятно общаться с вами.

Сафонов вновь посмотрел в дальний угол: американцы расплатились и пошли к выходу. Кестер тоже наблюдал за ними. Между собеседниками повисло недолгое молчание, пока туристы выходили из ресторана.

Сафонов захлопнул блокнот и нервно повертел в пальцах ручку. Затем подозвал официанта:

— Будьте добры, два темных пива, пожалуйста.

Когда официант удалился, Сафонов слегка понизил голос, но почти не сменил тона:

— А теперь, Клаус, давайте о деле. Я очень долго добивался разрешения на это интервью.

Кестер снова протер очки и ответил таким же слегка пониженным голосом:

— Зачем вы предложили этот ресторан? Мы тут как на ладони. И эти американцы, — он кивнул на опустевшее место в дальнем углу. — Да и официант.

— Вы полагаете, один из американцев?

— Тот, что делал вид, будто засыпает за столом.

— А официант?

— С большой долей вероятности. Еще я видел мужчину, который минут десять курил за окном. Одну за другой. Постоял, выкурил три папиросы и ушел.

— Но мы провели интервью. Если они и слушали, то теперь все нормально. Лишняя паранойя вредна, Клаус, и вы, как никто другой, это знаете.

Кестер промолчал. Его лицо больше не выражало ленивой расслабленности: взгляд нервно бегал по сторонам.

— Вы железный человек. Завидую. Я уже старый, нервы ни к черту. — Клаус снова посмотрел в окно. — Завтра я возвращаюсь в Берлин. Несколько моих коллег тоже. Некоторые уже уехали вчера, другие уедут сегодня или завтра.

— Так скоро? Вы полагаете...

— Я знаю.

Оба замолчали и засмотрелись в окно: официант принес пиво. Сафонов поблагодарил его и попросил счет. Официант вновь удалился.

— Когда? — встревоженно спросил Сафонов.

— Не знаю, но очень скоро. Точно знаю, что у нас еще как минимум десять дней. Но меня отзывают обратно уже сейчас. Более того: на Чистом переулке¹ сжигают бумаги. Я видел, как коробки с документами относили в подвал. При этом никто толком ничего не говорит касательно даты. Но на уровне слухов — да, около десяти дней.

Кестер достал из кармана жилета серебряный портсигар, нервными движениями вытащил сигарету, чиркнул спичкой и закурил.

¹ До войны в доме № 5 по Чистому переулку располагалась резиденция посла Германии в СССР Вернера фон Шуленбурга.

— Теперь вы понимаете, что моя тревога небеспо-
ченна.

— Понимаю. — Сафонов тоже закурил.

— В общем, вот. — Кестер распахнул пиджак и вы-
тащил из внутреннего кармана свернутый экземпляр
«Комсомольской правды». — Это вам. По нашему делу.

Сафонов взял газету, развернул, глянул на дату. Это
был вчерашний номер: тот самый, в котором была его
заметка о секции плавания. На главной полосе была фо-
тография Светланы Тихомировой, которую он повстре-
чал сегодня в трамвае.

— Как обычно? — спросил он.

— Да. — Кестер резко выпустил струю дыма и стрях-
нул пепел.

Сафонов свернул газету и положил ее в саквояж. Из
дальнего конца зала к ним шел официант. Кестер снова
затянулся сигаретой и отхлебнул пива.

— Хорошее, густое, — сказал он.

— Да, мне тоже нравится. Главное — не злоупо-
треблять, — улыбнулся Сафонов.

Официант положил на стол счет.

— Что-то еще? — любопытствовал он.

— Нет, спасибо, — с улыбкой ответил Сафонов. —
Очень хорошее пиво.

— Рад слышать, — официант вежливо откланялся
и удалился.

— А что вам нравится из современной советской му-
зыки? — сменил тему Сафонов. — Может быть, слыша-
ли Шульженко?

— Шульженко слышал, очень хороша. — Кестер сно-
ва говорил медленно и лениво, потягивая пиво из круж-
ки. — И Изабелла Юрьева. Чарующий голос.

содержание

I. Хамелеон.....	5
II. Мост.....	37
III. Одноглазый.....	71
IV. Демоны.....	108
V. Выстрел.....	144
VI. Яма.....	174
VII. Царь.....	206
VIII. Сердце.....	235
IX. Чернота.....	264
X. Огонь.....	305
XI. Кровь.....	341
XII. Старик.....	373
Эпилог.....	403